

ИЛЬЯ РУДНЕВ

ВЫХОД

КАК ПРЕВРАТИТЬ ПРОБЛЕМЫ В ВОЗМОЖНОСТИ

Илья Руднев
Выход. Как превратить
проблемы в возможности
Серия «Бизнес. Как
это работает в России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44517450

Выход. Как превратить проблемы в возможности / Илья Руднев:

Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-106407-5

Аннотация

Кризисы неизбежны. Но это хорошая новость! Эта книга – спасательный круг для тех, чья жизнь или бизнес терпят бедствие. Вы узнаете, как поднять бизнес из кризиса, сохранить контроль в любых условиях с помощью эмоционального интеллекта и заработать на неудачах.

Содержание

Предисловие	6
глава 1	9
глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Илья Руднев

Выход. Как превратить проблемы в возможности

Это очень сильная автобиографическая книга с мощным самоанализом. Здесь описана огромная работа по обретению своего призвания. Я рад, что наши совместные проекты так «зажгли» Илью, потому что «Рыбаков Фонд» – это такие люди, как он. Огромное спасибо за ту работу, которая ведется в Самарской губернии. Это подобно созданию лампочки, которая будет светить и зажигать сердца людей, влиять на то, чтобы мы жили в атмосфере большего процветания. Это реальное благоустройство страны и общества. Есть претензия на то, чтобы следующая книга была о ролевой модели «Илья Руднев».

Игорь Рыбаков, совладелец корпорации «Технониколь», основатель «Рыбаков Фонда»

Илья Руднев – один из успешнейших предпринимателей нашей страны. Его книга – рассказ о том, как можно добиться невероятных высот с нуля. Сегодня уже не так популярны книги с техниками и советами о том, как достичь успеха. На первый план выходят реальные истории реальных людей с их взлетами и падениями. Именно они позволяют извлекать собственные уроки из чужого опыта и

не повторять ошибок. Так что могу смело сказать, это очень мотивирующая книга о саморазвитии, о преодолении трудностей, о создании большого бизнеса и о многом-многом другом. А вы умеете философски смотреть на трудности, не опускать руки и продолжать двигаться дальше?

Оскар Хартмани, предприниматель и инвестор, основатель компаний KipiVIP, Carprice, CarFix, Aktivo

Предисловие

Кризис?

Говорят, в Тибете на одном придорожном камне есть надпись: «Научился ли ты радоваться препятствиям?» Современный мир так устроен, что люди хотят больше комфорта, безопасности и удовольствий. Благополучной жизни. Никто не хочет неприятностей, тем более не хочет страдать. Однако кризисы – неотъемлемая часть жизни. И пока одни предпочитают жаловаться и злиться, другие ищут причину их возникновения.

Большинство людей стремятся как можно скорее избавиться от ощущения дискомфорта. Для них проблемы – это зло. Сначала я тоже так думал. Пока однажды не проанализировал сложную ситуацию иначе. И тогда сделал вывод: моя жизнь изменилась в лучшую сторону. Те трудности, что я пережил, – ничто в сравнении с полученными после них «подарками».

Кризисы дают нам ценный опыт, приносят озарения, направляют на верный путь. Но только если мы сами захотим разглядеть за ними что-то, кроме неприятностей и страданий.

И мы можем многое открыть в себе: до поры скрытые возможности, таланты, особенности. Порой и недостатки.

Кризисы помогают пересмотреть свой образ мыслей, старые установки и принципы. Выявить неработающие поведенческие модели и раз и навсегда избавиться от них как от бесполезного хлама.

Есть множество теорий о цикличности кризисов в экономике. Суть всех сводится к одному – они неизбежны. Когда перестает работать старая система, наступает кризис, требующий ее обновления и перезагрузки. Эту мысль прекрасно подтверждает история человечества. А разве бизнес, компания – это не уменьшенная модель экономики или социума? В математике есть такое понятие – «критическая точка». В ней производная равна нулю или не определена. Есть они и в бизнесе – те моменты, когда компания может элементарно прекратить существование. Или, как в математике, продолжить движение, сменив знак на противоположный.

В своей компании я не раз переживал такие переломные моменты. И поскольку она все еще существует и продолжает динамично развиваться, то думаю, я выработал правильное отношение к кризисам. Почти всегда так случалось, что внешний кризис в бизнесе совпадал с внутренним. Порой один порождал другой. И это дало мне понимание двух вещей: надо развивать не только свое дело, но и себя; кризисы как переходные состояния неизбежны, и это нормально.

Все свои кризисы я преодолел сам. Ведь только научившись управлять собой, можно брать контроль над всей ситуацией. Мой подход отнюдь не нов, просто он основан на лич-

ном опыте, поэтому я и решил написать об этом. Эта книга для меня – определенная веха. Время подведения итогов первой половины жизни. Анализ кризисных ситуаций, что шли со мной рука об руку. И каждый раз они неизменно давали мне невероятный толчок для роста. Любая критическая ситуация помимо опасностей также несла и множество возможностей. Чем круче путь, тем серьезней препятствия.

Если мечтаешь о многом – приготовься встретиться лицом к лицу с многочисленными вызовами.

Только они станут путеводной нитью на твоём пути к Мечте.

глава 1

Сам по себе

Зачастую путь к успеху начинается с падения. Когда в жизни происходит нечто, полностью выбивающее тебя из колеи. В этот момент важно не предаваться унынию, а думать о том, как выдержать испытание, не сломившись физически и морально под тяжестью навалившегося груза.

Я научился выживать. Это понимание пришло ко мне в 16 лет. Отчетливая и короткая мысль: брось меня теперь куда угодно – не пропаду. Годом ранее в моей жизни произошла ужасная трагедия. Не просто удар или переломный момент, а крах понятного и привычного мира. Потеря, навсегда изменившая меня. И сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: та боль научила меня быть собой.

Говорят, воспоминания в памяти ребенка начинают откладываться с трех лет. Я не очень помню своих родителей в раннем детстве. До 6 лет я жил с бабушкой в Чапаевске. Мама училась на юриста, а отец был ко мне равнодушен, в отличие от его матери, моей бабушки Натальи Николаевны. Невозможно переоценить ее роль в моей жизни и воспитании в тот период, когда закладывался фундамент личности. Во внука бабушка вложила всю себя. Мы часто ездили с ней на дачу, где она прививала мне свое усердие и трудолюбие.

Например, поутру она выходила во двор, пристально осматривала наш огород и говорила:

– Сегодня собираем вишню.

Я с недоверием смотрел на увешанное ягодами дерево, потом на нее и тихо возражал:

– Бабушка, за день?! Это же нереально!

– Глаза боятся – руки делают, – с улыбкой говорила она, разворачивалась и шла в дом.

Ничего не оставалось, как взять ведро и идти покорять вишневый сад. Спустя некоторое время я шел за вторым ведром. Затем за третьим. Руки делали, а глаза уже не боялись – задача переставала казаться невозможной. Наоборот, появлялся азарт поскорее ее выполнить. Или, бывало, насобираем несколько ведер яблок и идем с ними на вокзал. Ходим по перрону возле останавливающихся поездов, пока все не продадим. Тогда, в юном возрасте, я усвоил одно из главных правил: трудолюбие победит любую проблему. Позже эту простую истину я переосмыслил в своего рода девиз: в жизни всегда главное – действовать!

Подходящее время не наступит никогда, поэтому начинать нужно прямо сейчас. Только действие влечет за собой результат.

За бабушкой я замечал особую склонность к накопительству. В доме всегда стояли большие мешки с сахаром и крупами. Полки погреба ломились от заготовок овощей и ягод. Видимо, сказывалась ее военная молодость. А может быть,

у людей того поколения так было принято. Позже эта черта проявилась и у меня. Как и другая – вера в высшую силу. Пусть это покажется старомодным в эпоху высоких технологий.

Бабушка часто водила меня в церковь. Я мало что понимал, просто смотрел на то, как она молилась, и старался повторять за ней. Это была небольшая церквушка, но мне в ней нравилось. Приятное глазу тепло горящих повсюду свечей и сладковатый дымок от кадила батюшки. Не помню дня, когда бабушка легла бы спать, не помолившись. Я всегда это видел – жили мы в одной комнате, наши кровати стояли вплотную.

– Бабушка, зачем тебе все это? Зачем ты молишься? – по-детски спрашивал я.

– Я молюсь за тебя. Для меня это важно, – тихо отвечала она.

Кому-то мои слова покажутся наивными, однако я до сих пор чувствую: ее молитвы работают, и я под надежной защитой. В какие только ситуации я не попадал – кто-то наверху продолжает оберегать меня.

До определенного возраста моими авторитетами были только бабушка и мама. Других я не признавал. Я тот самый мальчишка, которого воспитала улица. Воспитала так, чтобы никого не бояться. Если помножить бесстрашие на мою гиперактивность и задиристость, то станет понятно, почему я злил некоторых ребят, порой старше меня. Бывало, они дол-

го гонялись за мной по двору. И когда им наконец удавалось меня схватить – вот тут-то я получал от души. Били, помню, сильно. За мое неповиновение. Не знаю почему, но был я тогда такой отчаянный, что даже не чувствовал боли. И что совсем странно – через какое-то время побои начинали казаться щекоткой. Я хохотал во все горло, а когда отпускали, то хватал подвернувшуюся под руку палку и мог огреть ею одного или двоих, еще раз показывая свой характер, который их так злил.

Драк в моей жизни было немного. Я никогда специально не нарывался, не искал себе проблем. Наоборот, старался все и всегда решить мирным путем. Когда позже, уже будучи студентом, я жил в общежитии в Самаре, многие ребята попадали в разборки, не говоря уже о бандитских «наездах». Такое было время – те самые «лихие 90-е». Но мне раз за разом удавалось оставаться нетронутым. Люди всегда чувствуют, кого можно бить, а кого лучше не стоит. Когда меня поколачивали в детстве, во мне родилось бесстрашие, как я считал по детской наивности. Именно тогда совершенно пропал страх быть побитым. Мне кажется, что боязнь получить крепкий удар в лицо преследует немалое число мужчин даже во взрослой жизни. Поэтому они и сами оказываются неспособны нанести его, когда это необходимо.

Но мальчишеские драки во дворе – это не так страшно. Зачастую соперники бывают друг другу под стать: некрепкие кулаки, тонкие руки. Но совсем другое дело, если не можешь

дать сдачи. Я был совсем маленьким, когда меня избил собственный отец. Избил жестоко. За какое озорство – уже забыл. Зато прекрасно помню, как мы с мамой, крепко обнявшись, сидели в запертой изнутри ванной. Мы боялись, что это не конец. Отец тогда напился крепче обычного, и мы не знали, что ждать. Чувствуя, как мамины слезы капали мне на щеки, я пообещал себе: такого в жизни больше не должно быть.

Возможно, именно поэтому жизнь, полная ярких эмоций, сосредоточилась у меня за пределами дома. Там, на улице, поджидали не только «недоброжелатели», но и много настоящих друзей, готовых пуститься со мной в любую авантюру. В детстве я ни разу не ездил в пионерский лагерь. И меня это нисколько не смущало. Река и лес были в шаговой доступности от дома. Мы много плавали, рыбачили, ходили в лес и занимались спортом. Я был беспечным мальчишкой и совершенно не осознавал, где работает моя мама и насколько это серьезно. А она была судьей района. Я же мог прибежать к ней в суд прямо с улицы летом. Самый настоящий папуас. Чумазый, полуголый, в одних шортах, к которым на шнурок привязаны ключи от дома. Зимой мог появиться у мамы на работе с разбитым лбом, из раны все еще сочилась кровь – покатался с ребятами на горке.

В детстве, приходя к маме на работу, я часто общался с ее коллегами, с адвокатами, с прокурорскими работниками, с милиционерами, так как они работали в одном здании. Меня

пускали в камеру, катали на мотоцикле. Атмосфера всегда была очень доброжелательной. Они даже дружили семьями. Иногда делились байками из профессиональной жизни. Рассказывали их, конечно, простым языком, чтобы понял и ребенок. Житейские истории о добре, зле и справедливости. Случалось мне и тихо сидеть в углу на настоящих заседаниях суда. Каждый раз я удивлялся, слыша, как мягкая по своей сути мама с профессиональной твердостью выносит строгие приговоры.

Как-то я рыбачил на реке. Ко мне подошел немного странный человек, попросил удочку. Что ж, мне не жалко – одолжил на время. Он сидел долго, клева почти не было. Я уже откровенно скучал, да и пора было домой. Но, похоже, мужчина и не думал возвращать мою вещь. После очередной – десятой или двадцатой – просьбы он резко повернулся и со всего маху хлестнул меня моей же удочкой. Какая ужасная обида была тогда. За что? Ведь я же ему ничего не сделал. Несправедливо! И вот, спустя несколько месяцев, сидя в суде, я вдруг увидел, как под конвоем вводят этого типа. Глядя на него пристально, я думал: указать ли на него пальцем и заявить, что он и меня обидел? Но промолчал, уже тогда начинаю понимать, что такое суд и зачем он нужен. Поскольку этот мужчина оказался здесь, то это и стало для меня торжеством справедливости. Справедливость очень важна.

Если ты следуешь голосу правды в своих мыслях, действиях и поступках, то можешь относиться к людям

без предубеждения. Я считаю это самым главным качеством любого руководителя.

Улица всегда была частью меня. Даже когда я пошел в школу – моя уличная жизнь оставалась важнее получения знаний. Признаюсь, в учебный процесс я погружался без особого усердия. Куда важнее казалась активность, словно во мне работал моторчик. На недавней встрече выпускников выяснилось, что многие до сих пор помнят, как с первого класса я стал одним из лидеров. Даже припомнили, что в школьном спектакле роль короля досталась именно мне. Как полагается: с королевой, свитой и оруженосцами. Хотя ни о чем подобном я и не мечтал. Ни в детстве, ни сейчас – никогда не думал о богатстве, о деньгах. И вообще не относился к витающим в облаках мечтателям. Сначала хотел стать космонавтом, как и миллионы советских мальчишек. Потом – футболистом. Но в этих детских мечтах не было осознанной страсти. Она появилась лишь в 15 лет, когда мой мир рухнул.

Но пока я еще был наивным мальчишкой, которому нравилась его жизнь, его негласное лидерство среди сверстников. В подростковом возрасте это кажется очень важным. За право лидера я не дрался и не защищал его, подминая под себя других. Как я уже говорил, корпеть над учебниками было не для меня. В отличие от спорта. Наш тренер видел мою неумную активность и помогал развивать потенциал. Сначала я стал капитаном футбольной команды младшей группы. Но этого казалось мало. После нашей тренировки на по-

ле приходили старшие. Когда мои сверстники уже переодевались и шли домой, я оставался и играл со взрослыми ребятами.

И тут наступал очень тонкий и важный момент: да, еще пять минут назад ты выкрикивал указания, а теперь должен сам бежать, куда скажут. Перестраиваться между играми приходилось быстро, до первого свистка. Я уверен, усвоенная тогда гибкость мышления оказалась полезной в бизнесе. Не раз в жизни были моменты, когда уверенно стоишь за штурвалом корабля, но – бах! Сильная волна по правому борту. Брызги еще не стекли с лица, а ты уже не суровый капитан, а исполнительный юнга, резво карабкающийся на мачту. Если ты не выработал в себе умение коммуницировать с более опытными людьми, то никогда не соберешь под своим руководством успешную команду.

Вообще, систематические занятия спортом дали мне уроки, оказавшиеся полезными и в жизни, и в бизнесе. Я научился терпению: за пару тренировок ты не станешь Пеле или Марадоной. Так же и в бизнесе: открыв свое ИП по выпечке коврижек, не жди, что вскоре на твоем счете окажется круглая сумма, а ребята из Forbes в итоговом номере назовут тебя «прорывом года». Спорт показывает твои физические границы, которые ты постепенно расширяешь. Начинать надо с малого, день за днем наращивая мышцы и выносливость. А строить крупный завод приходится, начиная с небольшой мастерской.

Настоящий спорт – это всегда про азарт и конкуренцию.

Но тот, кто ни разу не ощутил горечи поражений, никогда не почувствует настоящего вкуса победы. Если боишься проиграть – не играй вообще.

Важно научить себя признавать право на проигрыш, но не настраиваться на него. На первый взгляд это кажется довольно трудным для понимания. Но право проиграть не означает, что ты покорно сдаешься. Наоборот: ты признал, что можешь и не победить. А значит, волноваться об этом дальше, постоянно крутить эту мысль в голове – напрасная трата сил. Вместо этого отдайся самой игре, получи подлинное удовольствие от того, что ты делаешь.

И все-таки каждый хочет победить. Но не каждый готов выложиться на все свои 110 %. No pain, no gain¹. Мышца не может стать крепче и больше, сперва не разорвавшись от нагрузки. Но что в футболе, что в бизнесе, упорные тренировки не только закаляют, но и учат лучше видеть ситуацию, мгновенно подстраиваться. Рисковать, но рисковать осмысленно.

Спорт с детских лет помог мне самостоятельно сформировать пресловутый внутренний стержень. Он научил меня дисциплине и отказу от жалости к себе. Тогда, в детстве, я никак не мог понять, почему некоторые ребята фланили и пропускали тренировки. Меня на них никто не гнал. Наобо-

---

¹ Нет боли – нет доли (англ.).

рот, я едва ли не летел навстречу тяжелым физическим нагрузкам. Я обожал, как ноют мои мышцы, как дыхание становится частым и поверхностным, как от избытка адреналина краснеют лицо и шея. Каждой клеточкой тела я ощущал, что живу. Смотрел на друзей и видел: они испытывают то же самое. И хотя у мальчишек не принято делиться подобными переживаниями, но для каждого из нас эти чувства были настоящими и важными. Иначе зачем мы выходили на поле даже под проливным дождем? Это объединяло нас, делало командой.

И сейчас я всегда заставляю себя действовать вне зависимости от того, что происходит в жизни и какой груз на душе. Даже когда плохое настроение, дрянная погода, нет ни желания, ни мотивации, свой день я начинаю с занятий спортом.

Сиюминутная выгода может быть очень заманчивой, но долгосрочная перспектива всегда ценнее.

Многие выбирают сиюминутное, потому что это про «сейчас», а долгосрочное – про «когда-то».

Однако умение заставить себя делать все необходимое ради большой цели, даже если пока не видишь результата, помогает не только в спорте и бизнесе, но и в жизни в целом.

Я играл в футбол, в том числе и с ребятами старше меня. Но от них я не слышал обидных насмешек. Мне удавалось оставаться самым результативным игроком даже среди

старших. Часто за матч я заколачивал в ворота противника больше мячей, чем все остальные. В какой-то момент тренер сказал мне: «Илья, надо ехать в Самару, делать спортивную карьеру». Кто знает, что могло бы из этого выйти, но вскоре в моей жизни случился страшный кризис, и я так и не стал профессиональным футболистом.

Отец никогда не занимался мной. Он был тихий алкоголик: приходя с работы, молча пил пиво и уходил заниматься делами. Как правило, читал книги. До меня ему не было никакого дела. С его стороны не было ни отрицания, ни негатива. Я тогда даже не знал, кем он работал. Мы никогда не говорили об этом. Странно, наверное, что я не знал даже таких простых вещей. И это только подчеркивало степень его полнейшего равнодушия ко мне.

У меня было много друзей-мальчишек, с которыми я проводил все свободное время. И, конечно, я видел их отношения с отцами. Кого-то, как мне казалось, любили больше, кого-то меньше. Но любили. Я мечтал хотя бы о крохах душевной теплоты, которой не получал. Не говоря уже об отцовской поддержке и мужском воспитании. Хотя однажды на него что-то нашло – он поиграл со мной во дворе. Этот случай врезался в мою память как единственный в жизни акт нашего единения. Я мог бы обижаться и сейчас, но со временем понял одно: по-настоящему я никогда его не осуждал и не держал зла. Так получилось, что с детства и на всю жизнь у меня сформировалось позитивное мышление. Если у ме-

ня чего-то не было, это лишь означало, что я могу без этого обойтись.

Мною занималась только мама. Когда она стала судьей, мы переехали в Пестравку. Это небольшое село в сотне километров южнее Самары. Мама была судьей района, население которого едва насчитывало двадцать тысяч. По работе маме часто приходилось уезжать в город и задерживаться там. И я ждал ее каждый вечер. Так же незаметно, как сумерки сменялись темнотой, в меня закрадывалась тихая и необъяснимая тоска. Сидеть дома у окна становилось просто невыносимо. Я выходил к дороге и всматривался в темную даль: не идет ли? С одной стороны, я знал: она где-то рядом, скоро придет. Но это мама, и я тосковал без нее.

Однажды после школы мы с другом пошли в кино. Не помню, что это был за фильм – я никак не мог сосредоточиться на том, что происходило на экране. Мысли были где-то далеко, внутри нарастало беспокойство. Я сбежал на середине сеанса, спеша домой. Но и там не находил себе места. На улице громко лаяли собаки, срываясь в истошный вой. Громче, чем обычно, как мне казалось. Отца дома не было. Я метался по квартире. До рези в глазах всматривался в темноту пустой улицы. Только на этот раз к старому ощущению тоски прибавилась черная неистребимая безысходность.

На часах было уже глубоко за десять. Я заставил себя лечь в кровать. Но уснуть не мог. Поджал ноги, затаился, стараясь не дышать, и просто ждал. Темнота сжималась вокруг

меня, а в ушах давило от стука бешено колотящегося сердца. Ближе к полуночи раздался стук в дверь. Пришли отец и три женщины – друзья семьи. Они плакали. Тем вечером мама пошла в школу на родительское собрание. Поднялась на этаж, зашла в кабинет, села на стул, и жизнь еще молодой женщины оборвалась. Кровоизлияние в мозг. Ей было 39 лет.

Работа всегда была важна для мамы. Вместе с судебной мантией на ее хрупкие плечи ложилась невероятная ответственность. Она пропускала через себя каждое рассматриваемое дело. От того так часто у нее болела голова. Ее жизнь была непростой: тяжелая работа, неудачный брак, отсутствие поддержки. Почему она не развелась с отцом? Как я понимаю, из-за невероятной благодарности к его матери, моей бабушке. За все, что та сделала для меня, пока мама училась на юридическом.

Произошедшее я осознал не сразу. Сначала был сильный шок, полное непонимание, что дальше. Даже когда привезли гроб, все это казалось нереальным. Нет, там лежит другая женщина, это не моя мама. Это не может быть она! Лишь после похорон стало приходить понимание: теперь я сам по себе. Но еще долго мне снилось, как мама приходит и подолгу говорит со мной. Проснувшись, еще какое-то время я верил: вот сейчас она зайдет в комнату, и все будет хорошо.

Прощание проходило в местном Доме культуры. Я отрешенно сидел в сторонке. Ко мне постоянно подходили лю-

ди, что-то говорили, но я их не различал и не слышал. Все казалось дурным сном, мутным, удушливым и нереальным. Пустота давила грудь изнутри. В какой-то момент стало так тяжело дышать и находиться внутри этого здания, что я вырвался наружу. И там, на крыльце ДК, я потерял дар речи. Еще никогда в жизни я не видел такого количества людей. Все они стояли здесь, на этой площади, и ждали очереди войти и проститься с моей мамой. Тут словно пелена спала с глаз, словно удар молнии разом наэлектризовал все тело. Глубоко вдохнув, я понял: я должен быть достоин своей мамы, должен стать таким же уважаемым человеком. И непременно юристом.

Как это нередко бывает, на время я забыл об обещании, с головой уйдя в свое горе. Начал себя жалеть. До того сильно и отчаянно, что горькая жалость буквально вытравила другие эмоции, мысли, мечты. Днем я ходил в школу, затем на тренировки – и там, и там были друзья, я немного отвлекался. Например, мы с моим другом Андреем Худяковым любили рисовать карикатуры прямо в тетрадях: смешные или нелепые рожицы или еще что-то забавное. Помню, как-то на уроке географии мы оба пытались нарисовать портрет Петра Семенова-Тян-Шанского – великого путешественника, у которого была очень забавная, как нам казалось, раздвоенная борода. Тогда, впервые за долгое время, я рассмеялся. Но ночью оставался один на один со своей утратой. Я много плакал. Слезы буквально душили, но без них я просто не

вынес бы эту боль. Говорить с отцом было бесполезно: он провалился в затяжной запой. И все же в какой-то момент я решил: хватит терзать себя жалостью. На долгие годы я запретил себе плакать, будучи уверенным, что слезы – признак слабости. Это убеждение, как и ряд других, с возрастом пересмотрел.

Первое время мы жили с отцом словно на плоту в густом тумане. То ли стоим, то ли плывем, а куда и как – непонятно. Я ходил в школу, он – к друзьям. Там его неизменно жалели, наливали. Как я понимаю, несмотря на трагедию, эту ситуацию он находил вполне комфортной. Наверное, это было к лучшему и для меня. Практически сразу после смерти мамы ко мне в гости стали приходить девочки из класса: помогали с приготовлением еды и уборкой. Им совсем не стоило видеть моего пьяного отца. На недавней встрече класса мы вспомнили и об этом.

– Девчонки, какие же вы молодцы! Спасибо вам! Вы так поддерживали меня тогда, – с благодарностью сказал я.

– Знаешь, Илья, это была тяжелая ситуация... Мы боялись, что ты наложишь на себя руки, – честно ответили они.

В вопросах еды я всегда был неприхотлив. Когда жил у бабушки, питался тем, что росло на огороде: выдернул из земли морковку или сорвал с кустарника ягоды. Ополоснул – сойдет, чтобы перекусить. В детстве горбушка хлеба, намазанная яблочным вареньем, казалась поистине королевским угощением. А еще у меня всегда было много удочек, сачков

и сетей. Летом я часто приносил домой рыбу и раков. Отдавал их отцу, он солил и ел с пивом. А мне больше нравилось их добывать.

Но после смерти мамы я был настолько растерян, что даже не понимал, что теперь есть, как и из чего готовить. Соседи часто звали на обед. Признаюсь, я ходил в гости и к одноклассникам, чтобы просто поесть. Сперва, конечно, отказывался из вежливости, но потом уплетал за обе щеки. Бывало, приносил и отцу немного еды. Он, как и я, был полный профан на кухне. Готовить я все же научился – помогла самостоятельная студенческая жизнь в общежитии. Но свою детскую гастрономическую неприхотливость я сохранил до сих пор. Сейчас в коридоре моего офиса стоит автомат с едой для сотрудников. И знаете, я вполне доволен этой простой пищей.

Мама умерла в марте. В Пестравке я прожил до июля, пока не приехала моя тетя Лидия Николаевна. Сказать, что она была недовольна условиями, в которых мы жили, – не сказать ничего. Она забрала меня к себе, в город Усинск – а это Республика Коми. Полторы тысячи километров строго на север. А ведь у нее была своя семья: муж и двое сыновей. Уже тогда я понимал: взять под крыло еще и меня – это настоящий вызов. К тому же ее весьма деспотичный, как оказалось, муж был не в восторге от моего появления в их семье. Однако для меня этот переезд стал настоящей перезагрузкой: смена обстановки, новое окружение. Это было то,

что нужно.

Я наконец воспрянул духом. Меня, словно барахлящее радио, переключили на нужную волну. Там, в Усинске, я довольно быстро увлекся боксом. Проблем в школе тоже не было. Новые одноклассники меня приняли хорошо, и уже через полгода я и здесь стал лидером. Никто из ребят и учителей не догадывался, что у меня нет родителей, потому что я не хотел особых условий или жалости к себе. Даже близкие друзья не знали, что я живу в чужой семье. Отец остался в Пестравке. Очень долго я ничего не знал о нем – он ни разу не позвонил, не написал.

Я очень благодарен моей тете – тогда она взяла на себя непростую ношу. В Усинске мне тоже жилось не просто. Я уже привык быть сам по себе, а дядя любил давить домоладцев своим авторитетом. Он тоже выпивал. Своих сыновей заставлял все делать из-под палки, не чураясь рукоприкладства. Видя все это, я понимал: одна лишь жесткость никогда не будет эффективной. Если ты требуешь – должен и помогать. В семейных скандалах приходилось держать нейтралитет и учиться искать компромиссы. Однако мое свободолобие, как тогда, так и сейчас, полностью игнорировало запелляционный приказной тон. Бабушка всегда просила, мама тоже была мягкой, а отец и вовсе никогда ничего не требовал. Но теперь нужно было подстраиваться под новые реалии.

И здесь мне опять помог спорт. В Усинске я пошел в сек-

цию бокса. Многие ребята занимались в ней уже по семь-восемь лет. Были среди них и чемпионы Европы. Однажды поучить нас приехал даже чемпион мира. Помню, как стоял с ним в спарринге. Он был на несколько голов выше меня. И ростом, и профессионально. Через боль, через каждый пропущенный удар я перенимал навыки и знания тех, кто опытнее меня. Я готов был подчиниться, понимая – они дают мне свои знания, тем самым делают меня сильнее. Часто наблюдал за боями опытных боксеров со стороны. А когда сам выходил на ринг, понимал: да, сейчас мы в разных углах и каждый хочет доказать, кто тут лучший. Но как знать: завтра мы можем оказаться в одной команде, защищая честь города, области, страны. Так что иди и покажи ему, на что ты способен. Но без неуместной агрессии. Это работает и в бизнесе.

Конкуренты нам жизненно необходимы. Они не только держат нас в тонусе, но и постоянно учат.

Поэтому поход «сломай-задави-по миру пусти» в конечном счете может оказаться мощным апперкотом в собственную челюсть.

В конце концов, все мы формируем рынок тех или иных товаров и услуг. И побеждает на нем сильный, а не жестокий.

Даже глядя на тех, с чьим поведением я был категорически не согласен, я продолжал учиться и у них. Дед, отец и

дядя – три разных человека и в то же время схожих. Все они любили выпить. Говорят, тяга к бутылке может передаваться по наследству. Но это же не цвет глаз, волос или ямочка на подбородке. Это слабость, порочная слабость. И только мы, а не наши гены, выбираем – быть нам сильными или слабыми. Одним проще день ото дня смотреть на свою жизнь, обваливающуюся по кусочкам, как старая штукатурка. Обвинять во всех своих бедах власти, начальника на работе, жену, детей, порочное и прогнившее общество. И под конец дня забываться в дурмане. Позиция жертвы – обстоятельств, личных отношений или воспитания – заманчива своей пассивностью, бездействием.

Сейчас я совсем не пью. Насмотревшись на это в детстве, понял: не хочу, чтобы мои дети видели меня пьяным. Боялись и ненавидели. Более того, ключевые сотрудники моей компании тоже следуют этому примеру. Никто их не вынуждал, не обязывал, не уговаривал. Произошло само собой – тот самый личный выбор.

Я глубоко убежден: все мы живем в прекрасном и яростном мире. Помните, как герой Тома Хэнкса – Форрест Гамп – в одноименном фильме рассказывал незнакомцу на остановке простую житейскую мудрость, усвоенную им в детстве? «Моя мама всегда говорила: “Жизнь – как коробка шоколадных конфет: никогда не знаешь, какая начинка тебе попадется”».

В нашей жизни всегда происходят кризисы, в ней всегда

было и будет место бедам и утратам. Так жили до нас, так будут жить и после нас. Человек – удивительно адаптивное существо. Разумный, целостный человек будет стараться не только приспособиться к новым условиям, но и извлечь из них выгоду.

Казалось бы, даже невыносимый на первый взгляд кризис может обернуться для нас подарком судьбы. Но не всегда мы сразу можем это понять и принять.

Сначала нас хорошенько встряхнет, выбивая всю пыль, а затем швырнет оземь, и только потом тяжкий груз проблем навалится сверху. Тут либо сворачиваться калачиком, либо выползать. Иначе не получится со всех сторон посмотреть на то, что упало на тебя и какие изменения произошли вокруг. Понять, насколько ты изменился внутри. Когда дело уже шло к окончанию школы, я решил вернуться в Пестравку. Вскоре мне предстояло получить аттестат и определиться с дальнейшей судьбой. Тогда-то я и вспомнил свое обещание – стать юристом.

глава 2

Всё к лучшему

Следующий переломный момент в моей жизни произошел во время поступления в университет. За несколько месяцев до выпускного я окончательно решил: буду юристом. Моей целью стало поступление в Самарский государственный университет. Но все казалось очевидным и достижимым, пока была жива мама. С ее поддержкой я даже бы и не сомневался, что поступлю и реализую свою мечту. За полгода до поступления я вернулся домой к отцу, в Пестравку. И уже здесь, столкнувшись с реалиями, задумался: как же мне теперь попасть на юридический, отчетливо понимая, что не поступи я в вуз — меня ждет армия, а она в мои планы совсем не входила.

Сила мечты помогает преодолеть множество преград, научиться обращать критические ситуации в твою пользу и сделать тебя тем, кем ты хочешь быть. Все перемены, с которыми ты столкнешься на этом пути, лишь добавят ценности конечной цели!

Я вовсе не считаю, что военная служба должна остаться в прошлом. С большим уважением отношусь к людям в погонах. К тем, для кого служба стала осознанным выбором. К тому же это был 1994 год. Чеченская война еще не нача-

лась, но на Кавказе уже было беспокойно. Позже, спустя пять лет, когда меня разыскивал военкомат, я отчетливо понимал: бросать свою жизнь в подобную мясорубку ради непонятных целей неизвестных мне людей я не хочу. И вообще российская армия в 1990-е была последним местом, где я хотел бы оказаться. Бессмысленная и беспощадная дедовщина, призванная не учить, а калечить. Такой мы видели ее на страницах газет и с экранов телевизора. Пойти самому и проверить, что все это лишь страшилка СМИ? С моим непокладистым характером, не терпящим приказов, унижения и насилия, до дембеля я мог просто не дожить. К тому же был уверен, что в дальнейшем смогу сделать больше для блага людей, чем за пару лет службы. У меня была другая цель, и отодвигать ее я не хотел.

Поэтому, вернувшись в Пестравку, я первым делом начал выпрашивать у одноклассников, кто куда. Две одноклассницы уже больше года посещали школу молодого филолога при педагогическом институте. Выяснилось, что у таких «молодых филологов» есть значительное преимущество перед остальными абитуриентами: право сдать экзамены досрочно. Разумеется, я решил во что бы то ни стало попасть на эти курсы. И в первые же выходные поехал с девчонками в город. В деканате объяснили: все возможно, даже в оставшуюся половину года. Я с улыбкой выдохнул – вот мой запасной вариант. Но еще на первой половине лекции я отчетливо понял: совсем не мое! В перерыве ноги сами вынесли

меня из аудитории. Я совершенно не представлял себя филологом. Ну, хорошо, ушел. А что дальше?

Бесцельно слоняясь по корпусу пединститута, я глазел по сторонам. У деканата исторического факультета задержался, бегло просматривая объявления: какие-то экзамены для обучающихся заочно. И вот в голове все сложилось. Историю я как раз знал неплохо. Пожалуй, это один из немногих предметов в школе, который мне легко давался. Предмет живой, не абстрактный. Наверное, поэтому и по истории у меня всегда были хорошие оценки – она увлекала меня по-настоящему.

Не раздумывая ни секунды, я зашел в деканат. Там, узнав о моей ситуации, возражать не стали, но выразили опасение: другие абитуриенты учатся уже полтора года, смогу ли их догнать? Я не отступал, клятвенно пообещав наверстать весь пройденный материал. Мой искренний напор возымел эффект. В тот же день я оплатил курсы и стал слушателем школы «юного историка». Резонный вопрос: при чем здесь исторический факультет, если я мечтал стать юристом? Решение было чисто стратегическим. Всегда нужно иметь запасной вариант. К тому же историю нужно сдавать и на юрфак. Вот и przygotowuję.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.